

фантастическая
история

Цикл

«Лал — камень любви»

ПЕРСТЕНЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА
НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛКОВОДЦЕМ
ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА

Цикл

«Эффект стрекозы»

НАЙТИ СЕБЯ
ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО?
ПРАВДИВЫЙ ЛОЖЬЮ
ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ
ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

Цикл

«Обреченный век»

КНЯЖЬЯ ДОЛЯ
КРЕСТ И ПОСОХ
ОКО МАРЕНЫ

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Валерий Елманов

Витязь на распутье

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Е46

Елманов В. И.

Е46 Витязь на распутье: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 471 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1099-6

Оказавшемуся на Руси начала XVII века нашему современнику удалось сделать многое. Но впереди забот хватает — только успевай поворачиваться.

Бояре пытаются вовлечь Федора Годунова в свой заговор против царя Дмитрия, а государь решил непременно женить шведского принца на Ксении. А тут еще и новое повеление Дмитрия. Правда, есть варианты: либо уже этой зимой ехать воевать в Прибалтику, либо отправляться послом в Персию. Выбрать первое — армия не готова, второе — отлучаться надолго нельзя.

И застыл наш витязь на распутье, решая, какое из двух зол выбрать...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1099-6

© Елманов В. И., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Пролог
ОСТАЕТСЯ ПОЖЕЛАТЬ УДАЧИ

Ведьма старательно доползла до шеи горгульи и торжествующе захохотала, хищным взглядом окидывая беспомощно мечущихся внизу людей. Затем она встала на каменную тварь, надменно вскинула голову, раскинула руки в стороны и шагнула в пустоту. В тот же миг ее руки трансформировались в черные крылья, и она принялась неспешно парить над городской площадью, высматривая нужного ей человека для последующего жертвоприношения...

— Сейчас поймает бедолагу, — безучастно прокомментировал темноволосый мужчина.

— Слушай, да выключи ты эту муру! И без нее тошно, — взмолился второй, светловолосый.

Темноволосый послушно взял в руки пульт, и через несколько секунд в гостиничном номере воцарилась тишина.

Светловолосый уныло посмотрел на стол. На нем возвышалась опустошенная на три четверти бутылка водки, а подле нее разместилось маленькое блюдце с тонко нарезанными дольками лимона и початая плитка шоколада.

— Так я не понял, Валер, получается, что никаких следов? — уточнил он у своего собеседника, машинально продолжая вертеть в руке стакан, на четверть наполненный водкой.

— Честно говоря, Костя, пока мы ехали, я успел только-только просмотреть его записи и, вполне возможно, что-то упустил. К тому же почерк у твоего племянника не ахти, — со смущенным видом повинился тот.

— Да не юли ты, — хмуро буркнул Костя. — Сам понимаю, что ничего хорошего ты мне не скажешь. Давай уж, лепи что есть.

— По всему выходит, что именно так, — подтвердил Валерий.

— А в книге о нем чего говорится? — поинтересовался Костя, кивнув на прикроватную тумбочку, на которой лежа-

ло новенькое, только что приобретенное роскошное издание Ключевского «Русская история».

— В книге... — задумчиво протянул Валерий. Он неспешно встал, подошел к тумбочке, взял только сегодня поутру купленный в книжном магазине том и, взвешивая в руках, заметил:

— Здоровенный, на полторы тысячи страниц. Его даже бегло читать — не один день уйдет.

— Ну-у, если знать, где именно, думаю, что поменьше, — возразил Константин и поторопил: — Давай не тяни. Зря, что ли, в номере оставался, пока я Мишку по Пскову катал. Небось давно уже все нашел.

— Как раз наоборот — почти ничего не обнаружил, — оправил Валерий. — Хотя одно странно. Знаешь, я почему-то считал, что Годунова удавили в Москве вместе с матерью еще до приезда туда Лжедмитрия. Не помню, где я про это читал, но вроде бы именно так, а тут написано, что новый государь Лжедмитрий Первый не только простил царевича Федора Годунова за то, что он не признавал его истинным сыном Ивана Грозного и не уступал ему трон, но и назначил его своим наследником и престололюбостителем. Чудно как-то.

— Меня сейчас куда больше другой Федор интересует, который мой племянник, — напомнил Константин.

— Так вот я и думаю — может, это его работа? — предположил Валерий. — У Ключевского написано, что, дескать, был в ту пору на Москве какой-то бывший учитель царевича, который не дал его убить. Правда, не Россошанский, и даже не Монтекки, а какой-то Макальпа. У самого Федора в записях я пока не глядел, опять же почерк неразборчивый, но...

— Молодец, племяш! — оживился Константин. — А про Макальпу не гадай. Знал бы ты, как тогда над иностранными фамилиями изгалялись. Так что это просто искаженное Монтекки, вот и все. Лучше давай дальше. Что еще там наш Макальпа настряпал?

— А больше почти ничего. Разве что про какой-то божий суд еще сказано, да и то лишь потому, что это самый последний из поединков на Москве, который упомянут в летописях.

— Да к черту суды! — возмутился Константин. — Ты про племяша давай!

— И я про него. Вроде бы вышли биться кто-то из ляхов и этот учитель Макальпа. Из-за чего сыр-бор, не говорится, но Макальпа одолел. А потом... — Он замялся и невразумительно закончил: — Тишина про него.

— А ты внимательно все прочитал? — усомнился Константин. — Не мог же он взять и исчезнуть?

— Ну-у... есть одно-единственное, — нехотя произнес Валерий, вздохнул, неспешно открыл книгу и начал неторопливо листать страницы. Дойдя до нужной, он некоторое время молча смотрел на текст, а затем предложил: — Может, вначале выпьем?

— Погиб? — помрачнел Константин.

— Нет-нет, что ты, — заторопился с опровержением догадки друга Валерий. — С чего ты взял? Во всяком случае, здесь про его смерть ни слова.

— Тогда выпьем, — утвердительно кивнул Константин.

Но и после того как они осушили стаканы, Валерий не торопился зачитывать нужный кусок о судьбе Федора. Вместо этого он заметил Константину:

— Хотя ты знаешь, мне все-таки кажется, что этот учитель совсем не твой племянш. Уж больно большая разница между Макальпой и Монтекки. К тому же, когда про божий суд рассказывалось, там указано было, что Макальпа из шкоцких людишек.

— Из каких? — озадаченно переспросил Константин.

— Из шкоцких — означает из шотландцев, — пояснил Валерий и продолжил: — Вот я и говорю, что навряд ли это твой племянник. Ему-то как раз был резон представиться твоим сыном, то есть фрязином, ну и плюс совсем другая фамилия. Вот и получается, что Федор и этот пресловутый учитель не одно и то же лицо, поскольку...

— Ничего не получается, — вновь резко перебил Константин. — Не знаю уж, как там с фамилией и национальностью, но спасти Годунова, которого, как ты говорил, собирались убить, мог только мой Федька — это железно. — И напомнил: — Ты там хотел кое-что прочитать мне...

— Ну да, — спохватился Валерий. — Вот что пишет Ключевский. — И неспешно прочитал вслух: — О дальнейшей судьбе князя Макальпы ничего не известно, кроме того, что он якобы принял участие в церемонии венчания на царство Лжедмитрия, на которой вручил ему меч, а после уехал к Федору Годунову, но до Костромы не добрался...

— Не добрался, — медленно повторил за другом Константин. — А почему?

— А вот об этом ни слова, — вздохнул Валерий. — Там вообще мало что про Годуновых. Федор этой же зимой занедужил и умер, причем есть подозрения, что это работа Лжедмит-

рия, а Ксения тоже исчезла, даже не добравшись до Костромы. Ну а царица-вдова, которая приняла постриг в Вознесенском монастыре, узнав о смерти детей, тоже на следующий год умерла.

— Стоп! Ну-ка, погоди про маму. Так ты говоришь, Ксения тоже не добралась до Костромы. Так-так... — задумчиво протянул Константин. — Тогда все сходится. Вспомни-ка, что он там кровью написал. Получается, что... — И вопрошающе уставился на друга.

— Вообще-то у того же Ключевского сказано, что на Ксению положил глаз Лжедмитрий, и, скорее всего, именно люди Отрепьева тайно похитили царевну по дороге в Кострому, привезли обратно в Москву, после чего она некоторое время была наложницей самозванца, а затем тот, вволю натешившись несчастной, приказал ее удушить.

— Скорее всего! — пренебрежительно фыркнул Константин. — Много понимает твой Ключевский! Ох, не верю я в такие совпадения. Ну сам смотри, что получается. И Федька мой исчез на пути в Кострому, и царевна. А если предположить, что они вдвоем направились не туда, а к Чертовой Буче, к волхву, а?

— И что?

— А то, что он их благополучно отправил. Ты же сам видел, что к нам попал совсем другой перстень. Мой хоть тоже с рубином, но двуглавого орла на нем не было. Да и оправа, пусть и похожая чем-то, но иная. То есть Световид метнул его вместе с записками к нам, благо, что веса в них не особо, а с помощью моего перстня волхв переправил...

— А если их просто перепутали? — не выдержал Валерий.

— Да какая разница?! — возмутился Константин. — Все равно до нас доехало. А коль уж чужой перстень такое путешествие совершил, то мой...

— Ну и где теперь Федор с царевной? — поинтересовался его друг.

Вопрос был что удар под дых — Константин шумно выпустил воздух, открыл рот, однако так ничего и не сказал. Он угрюмо засопел, с укоризной посматривая на Валерия, но, не найдя ответа, молча потянулся к бутылке и щедро разлил остатки водки по стаканам. На сей раз вопреки обыкновению он даже не стал чокаться с другом, молча выпив до дна.

«Как за покойника», — почему-то подумал Валерий.

Закусывать Константин тоже не пожелал, пододвинув блю-

це с оставшимися тремя лимонными кружочками другу, и потухшим голосом спросил:

— Кстати, а дальше-то там чего на Руси было?

— Мятеж против Лжедмитрия, а так как он не успел назначить вместо Федора другого престололюбителя, то сразу после его убийства выбрали Василия Шуйского, потом была Смута, затем... да что я тебе говорю, когда ты и сам все прекрасно знаешь. Ну хоть и поменьше моего, но в общем и целом.

— То есть ничего не изменилось? — уточнил Константин и хмыкнул. — Странно. Вначале я аж три с половиной года лазил по тому времени, а в итоге вообще никаких перемен, теперь Федор — и опять то же самое. Разве такое возможно?

— Судя по книгам историков, получается, что вполне, — пожал плечами Валерий. — Да в общем-то все правильно. Трудно что-то изменить кардинальным образом, если действуешь в одиночку. В наше время это невозможно, да и тогда, скорее всего, было весьма нелегко. Опять же история — штука инертная, любит закономерности, а не случайности. Иногда она уступает одиночкам, даже русло свое может поменять, но лишь на время, а потом норовит вернуться обратно. Знаешь, как круги по воде. Кинь булыжник, и они пойдут, только проку с них... Даже если очень большой камень ухнешь, ничего не выйдет, разве что круги побольше.

— А если камней много? — не согласился Константин. — Сам же до этого рассказывал, что спасал Годунова не один мой Федька, а еще какой-то полк верных стражей. — И укоризненно повторил: — По-олк. Тут уж запрудой пахнет, а то и вовсе плотиной.

— А хоть бы и так, все равно существовать ей недолго, — внес поправку Валерий. — Сооружение-то искусственное, так что, если за ним не ухаживать, вода, один черт, рано или поздно ее размочет. А ухаживать было некому, раз твой племяш исчез. Вон и юного Годунова сразу отравили.

— И это мне тоже неясно, — заметил Константин. — Смотри, что выходит. Он же сам кровью написал, что друзей не бросают, но исчез. Не состыковывается что-то.

Валерий задумался, уткнувшись взглядом куда-то в угол комнаты. Его собеседник тоже молчал, терпеливо ожидая ответа. После паузы Валерий неуверенно протянул:

— А может, твой племяш под другом подразумевал вовсе не Годунова? Там у него я в одном месте упоминание о князе Хворостинине-Старковском встретил, о котором Федор очень

лестно отзывался, и еще о каком-то шотландце Дугласе. О нем вообще много всякого, особенно вначале. Например, как твой племянник этого шотландца от смерти спас, да и потом о нем не раз говорится. Кстати, именно этот Дуглас влюбился в Ксению Годунову. Я вот и думаю, может, он ему и отдал твой перстень?

— А сам куда делся?

— Да откуда я знаю?! — возмутился Валерий. — Ты уже раз десять меня спросил — не надоело? Знаешь, сколько сейчас теорий у физиков насчет пространства и времени? И не считаешь. Тут тебе и «струнное» устройство вселенной, и параллельные миры, и...

— Вот «параллельные миры» звучит неплохо, — перебил Константин. — Может, в том мире он не только спас царевича в Москве, но и...

— Погоди-погоди, но ведь Годунова и без него все равно бы спасли, — остановил друга Валерий.

— То есть как? — удивился Константин. — Сам же только что говорил мне о том, что ты где-то читал, будто царевича убили в Москве.

— Я?! — искренне изумился Валерий.

— Ну да, — недоуменно пожал плечами Константин.

— Да не мог я тебе такого сказать, — возмущенно фыркнул Валерий. — Хотя постой. Вроде бы и впрямь что-то...

Он задумался, сиюсь припомнить и старательно растирая пальцами виски. Голова почему-то отказывалась отвечать на вроде бы элементарный вопрос, словно кто-то невидимый поставил в ней некий барьер.

Вообще-то, по всем источникам, Годунов погиб в Костроме — это Валерий знал точно, еще со школы, но тогда откуда он взял то, что их с матерью удавили в Москве? Странно. Странно и непонятно.

Вертелась в мозгу некая мыслишка, но слишком далеко, хватить никак не получалось, к тому же и она постепенно как-то расплывалась, будто истаивая. Ответ пришел лишь спустя пару минут. Правильным он был или нет, Валерий не знал, но уцепился за него, ведь тогда все становилось на свои места.

— Слушай, это я, наверное, недавно прочитал какой-то фантастический роман. Ну там про альтернативные миры и прочее, вот у меня и образовалась каша в голове.

— Ну пускай не спасал, а только участвовал. Но имей в виду, там, где мой Федька за дело возьмется, любой фантаст

отдыхает, — авторитетно заявил Константин. — Точно-точно. Я ж его знаю как облупленного, так что сразу скажу: он еще упрямее, чем я, и если чего захочет, то можно даже не сомневаться — добьется обязательно. И вообще, парень о-го-го. Ты не думай, будто я так говорю только потому, что он мой родственник. Он такой, что...

Панегирик племяннику растянулся минут на десять, поскольку каждое достоинство характера Федора его дядя считал нужным подкрепить соответствующим примером из жизни. Лишь в конце Константин слегка приувыл и с досадой заметил:

— Жаль только, что мы никогда не узнаем, чего он там наворотил.

— Жаль, — согласился Валерий, но другу этого короткого подтверждения показалось маловато.

Он и тут не захотел терпеть фиаско, поэтому встрепенулся и поправился:

— Хотя кто знает. Вон наука семимильными шагами прет. Думал ли ты еще двадцать лет назад, что сможешь мне написать, а я через минуту, хотя и за пару тысяч километров от тебя, смогу его прочитать? А по скайпу мы с тобой каждую неделю общаемся — тоже фантастика. Так что никто не знает, что нас ждет впереди.

— Ага, — вновь охотно поддакнул Валерий.

Свое возражение о том, что если Федору даже и удастся где-то что-то «наворотить», то узнают об этом не они, а совсем другие Валерий и Константин, которым, кстати, не исключено, на это будет вовсе наплевать, он благоразумно оставил при себе.

Ни к чему оно.

Так у друга остается хотя бы крохотный шанс, малюсенькая надежда, вот и... пусть остается.

И вообще, проживем — увидим, а пока он лишь мысленно пожелал исчезнувшему в неизвестном направлении Федору удачи во всех его затеях, и чем они грандиознее, тем больше этого самого пресловутого везения.

Глава 1

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

— Токмо слышь-ко, княже... Не мыслю я, чтоб камень ныне твоей жиковине¹ много удачи дал, — предупредил Световид, хмуря седые кустистые брови и продолжая вертеть в узловатых пальцах мой перстень.

Точнее, этот-то как раз не был моим. Как так случилось, что я в последний момент, решив максимально обезопасить Ксюшу, снял со своей руки и надел на ее палец перстень, который подарил мне Борис Федорович Годунов, ума не приложу.

Ну ладно, ошибся, не глянул на вырезанного двуглавого орла, но я и потом, чуть погодя, когда снимал перстень с пальца царевны, опять не заметил своего промаха.

Остается лишь гадать, куда улетели вместе с ним мои бумаги и вообще попали ли они хоть куда-то. Впрочем, на поляне их не осталось, значит, где-то они оказались. Вот только где — ба-альшущий вопрос.

Жаль, конечно, что все так получилось. Цена роли не играет — оставшаяся жиковина дяди Кости ничуть не дешевле, а вот память о покойном царе...

Однако нет худа без добра. Зато теперь я могу попробовать добавить себе немножечко удачи, что немаловажно, учитывая все житейские обстоятельства. Был бы один — ладно, и сам со всем управился бы, но у меня есть еще Федор Борисович Годунов, который не просто сын покойного царя, но наследник нынешнего, так что желающих спровадить его на тот свет раньше времени хоть отбавляй.

Вот потому-то я, едва поняв, как промахнулся с перстнем, вспомнил рассказ своего дядьки о наговоре на удачу и отправился к волхву. Не то чтобы я так уж верил во всякие

¹ Ж и к о в и н а — перстень, форма оправы которого напоминала лапки жучка, охватывающего камень. Отсюда и такое название. (*Здесь и далее примечания автора.*)

там чары и заговоры и тем более полагался на них, однако чем черт не шутит. Особенно когда бог¹ спит. Во всяком случае, в одном я убежден на сто процентов: лишней ворожба волхва не будет и помехой тоже, а там как знать. Чем черт... Впрочем, это я уже говорил.

Световид встретил меня неприветливо, да это и понятно — хана камню на заветной полянке. В смысле, сама каменная глыба осталась на прежнем месте, вот только тумана вокруг нее практически не наблюдалось. Так, еле-еле, словно дымок от сигареты невидимого курильщика, и все. Да и сам камень стал заметно ниже. Такое ощущение, что по нему с маху ударили исполинской кувалдой, которая его хоть и не расколола, но изрядно вдавила в мягкую болотистую почву.

Мое первое впечатление подтвердил и Световид, с грустью констатируя, что камень опускается чуть ли не на глазах.

— Ежели и осталась еще в нем силушка, то на самом донышке, не боле, — печально заявил он.

— А мне хоть какую, — бодро ответил я, но тут припомнились его слова, и я поинтересовался: — Ты некогда говорил, что он раньше здоровья прибавлял всем вам. Так что, раз у него силы нет, то теперь и этого не будет?

— Ныне внуку свою отвел к нему. Она у меня на зуб жалилась, вот я и решил проверить, — нехотя выдавил волхв. — Подсобило вроде, токмо сидела она близ него долгонько. Говорю ж, остатки в нем еще есть, но уж больно мало.

— А ландшафт здесь не ахти, — заметил я, озираясь.

Впрочем, чтобы сделать такой вывод, глядеть по сторонам нужды не было. Болото — оно и есть болото, со всеми вытекающими последствиями, особенно в летнюю пору. Занудная мошкара, запах гнили, да и сам воздух — какой-то удушливо-тяжелый, вязкий. Словом, хорошего мало. Даже странно, что раньше я ничего из этого не замечал. Или здесь тоже камень «трудился», улучшая экологию?

— Если вдруг надумаешь перебраться в иное место — только скажи, — посоветовал я. — Нынче у престололюбителя все восточные земли под рукой, так что он тебе от щедрот выделит любой лесок, какой только глянется.

— Где родился, там и помирать надобно, — сердито отре-

¹Чтобы соблюсти равноправие со славянскими богами — ведь не пишем же мы Бог Авось, Богиня Макошь, Бог Перун и так далее, — здесь и далее к словам «бог», «богородица», «спаситель», «аллах» и т. п. автор посчитал справедливым применить правила прежнего советского правописания.

зал Световид. — К тому ж без силы камня мне все одно — и до следующего лета не дотянуть.

— Ну это ты, а остальных-то не жалко? — напомнил я о прочих жителях леса.

— А вот меня не станет, тогда уж пусть они как хотят, так и вершат, — проворчал волхв. — И будя на том, — закрыл он явно неприятную ему тему и вернулся к моей жиковине. — Ты лучше поведай, на что тебе удача занадобилась? Али тайна?

— Да нет никакой тайны, — равнодушно передернул плечами я. — Просто подумалось, что если есть возможность, то отчего бы не прихватить с собой благословение бога Авося.

— Это в церквях благословение, а у него — улыбка, — хмуро поправил меня старик.

— Пусть так, мне без разницы. Я, конечно, и без нее постараюсь приложить все усилия, но, когда знаешь, что тебе улыбаются боги, оно как-то спокойнее. Особенно сейчас.

— Никак сызнова задумал чтой-то? — неодобрительно прокомментировал Световид.

— Да тут и без меня задумщиков хоть отбавляй, — вздохнул я, прикидывая, сколько всего впереди.

Это ведь только на первый взгляд в моих делах теперь тишь да гладь — знай себе живи припеваючи в Костроме и только время от времени подсказывай царевичу, чем еще надо заняться, да поправляй там, где он промахнется. Хорошо бы, конечно, если б оно так и было, вот только в реальной жизни все будет иначе.

Во-первых, боярские козни, вроде всяких оговоров и наветов. Навряд ли господа сенаторы смирятся с тем, что Годунов — наследник престола. Да, остался у меня в царских палатах защитник, причем в авторитете, к которому Дмитрий охотно прислушивается. Но думный боярин и глава Стрелецкого приказа Петр Федорович Басманов один, а ярых недоброжелателей — тьма-тьмушая.

Во-вторых, неизвестно, сколько осталось жить самому государю, а ведь я его собирался использовать как ледакол, чтобы он своими указами успел вспороть всю заплесневелую жизнь Руси, дабы потом Федору хотя бы на первых порах никто не вменял в вину уж очень резкие новшества — пусть останутся на совести погибшего Дмитрия Иоанновича. А благодаря тому, что они исходили от невинно убиенного мученика, которого патриарх Игнатий обязательно назначит в святые — уж мы с Федором расстараяемся с ходатайством, —

к новшествам этим придраться будет весьма и весьма затруднительно.

Вот только сами по себе они не появятся — их надо пробивать и отстаивать перед царем, извините, императором. А кроме того, их еще предварительно нужно написать, поскольку пока что они лишь в моей голове, а если какие-то и перенесены на бумагу, то только в виде черновых беглых набросков.

Разумеется, многое я наговорил Дмитрию, часть из этого Басманову, но все это нечто вроде декларации: надо сделать то-то для того-то, а вот как — тут я успел далеко не все.

Ну и в-третьих. Рано или поздно, но Годунову предстоит схватка за престол, от которой никуда не деться. На святой Руси испокон веков власть по доброй воле никто не уступал, а если и имелась парочка прецедентов, то они скорее исключение. И какие правила в этой борьбе, я тоже представлял себе достаточно ясно — вполне хватило всего одного царского пира, после которого и Дмитрий, и Федор чуть было не отправились на тот свет.

То есть предстояли даже не бои без правил, которые лишь называются так, но, если припомнить, все равно ограничения имеются. Нет, все гораздо круче, ибо дело пахло жестокой кровавой дракой, где запросто добивают лежачего, а уж про удушающие и калечащие человека приемы я вовсе молчу — какие угодно и в каком угодно количестве. Исходя из всего перечисленного, не думаю, что лишняя толика удачи оттянула бы мой карман.

К тому же имеется еще один небольшой нюансик, который тоже никак нельзя упускать из виду — мое обещание Дмитрию взять в следующую зиму Эстляндию. Причем взять практически без ничего — имея в наличии один полк своих гвардейцев.

Скорее всего, нашему пресветлому государю императору до следующей зимы бояре навряд ли позволят дожить, но полагаться на такое не стоит и надлежит готовиться всерьез. Причем начинать уже сейчас, ибо для практических тренировок у меня в запасе только одна зима, к которой предстояло пошить маскхалаты, заготовить для всех лыжи с палками, ну и так далее.

Да и со спецназа тоже предстояло согнать семь потов, чтобы каждый из них стал не просто бойцом на голову круче обычного воина, но, называя вещи своими именами, диверсантом-

убийцей — просто так городские ворота той же Нарвы или Ревеля¹ охрана моим людям не откроет.

Но вначале требовался предлог, дабы я мог ее развязать, то есть невыполнение требований принца Густава², проживающего в городе Угличе, о выделении ему, как законному наследнику шведского престола и родному племяннику нынешнего короля Карла IX, земель. Например, из тех, что в Эстляндии, включая парочку островов возле ее побережья.

Пусть они там в своем парламенте успеют не только как следует посмеяться над такими сумасбродными пожеланиями, но и призадуматься, поняв, откуда они появились и кто стоит за спиной Густава.

Разумеется, поначалу они насторожатся, усилив гарнизоны, а затем — времени-то пройдет изрядно, для того и надо отрядить посла этой зимой — непременно расслабятся, решив, что это не более как пустые, совершенно не подкрепленные реальной силой угрозы.

Тогда-то, спустя год, если понадобится, мы и ударим.

Кстати, подготовку к грядущей войне я начал именно в тот день, когда встретился со Световидом, осведомившись у волхва сразу после произнесенного им заговора на удачу, нет ли у него каких-либо знакомцев за границей — ведь Эстляндия напрямую граничила с псковскими землями.

Особых надежд, признаюсь, не питал. Слишком сомнительно, чтобы в той же Эстляндии уцелели тайные язычники. Все-таки жили они на территории, которой несколько веков владели католики, а у них агрессивное поведение по отношению к чужой вере, особенно если люди неспособны постоять за себя, норма. Получалось, шансов на выживание и сохранение своей исконной веры у прибалтийских язычников практически нет.

Однако, к моему изумлению, Световид, услышав мой вопрос, спросил, почему я ими заинтересовался и на кой ляд они мне вдруг понадобились.

— Помочь хочу, — после паузы уклончиво ответил я. —

¹ Ныне Таллин.

² Густав был старшим сыном шведского короля Эрика XIV, которого в 1568 г. сверг с престола его брат Юхан III. Густав долго скитался по разным странам, пока в 1600 г. царь Борис Годунов не пригласил его в Россию в качестве кандидата в женихи царевны Ксении. Однако он отказался перейти в православие и повел себя несколько вызывающе, за что был отправлен царем в Углич, который выделили ему в кормление, где он с тех пор и проживал.

Несладко им небось приходится, вот и решил сделать доброе дело...

— Хлебом, как нам, али инако? — продолжал расспросы волхв, неспешно вышагивая впереди меня по знакомой гати, которая, вот странно, всего за пару дней опустилась настолько, что мои ноги уходили в черную зловонную воду чуть ли не по колено.

— Помимо телесной пищи есть еще и духовная, — высокопарно заметил я, с облегчением выходя на сухое место.

Впрочем, сухим его можно было назвать только в сравнении с гатью — все равно изрядно почавкивало и похлопывало. Хорошо хоть воды уже не видно, да и идти можно бок о бок со стариком, который умолк, размышляя то ли над моим вопросом, то ли над моим ответом.

— Пусть молятся своим богам не втайне, но открыто, ни от кого не скрываясь, — добавил я.

— Ишь ты, — недоверчиво хмыкнул старик, продолжая задумчиво хмурить брови.

«Странно, — недоумевал я, наблюдая за ним. — Неужто и вправду имеются какие-то связи?»

Чуть позже все разъяснилось — волхв наконец-то пришел к выводу, что мои слова не являются пустышкой, а посему...

— Живет у нас один такой. Там-то вовсе не вмоготу, вот он и подался в бега. Немало победствовал малец, пока не нашел нас, зато теперь не нарадуется. Ежели ты и впрямь... — И, оборвав себя на полуслове, потребовал: — Но допрежь того, как сведу тебя с ним, поведай, на что они тебе понадобились. Мыслится, не просто так ты их леготами одарить возжелал.

— Правильно мыслится, — кивнул я. — Вначале им эти льготы заслужить надо и помочь мне кое в какой затее.

Таиться перед Световидом я не собирался и рассказал все как на духу. И про то, как государь Дмитрий вытянул из меня обещание завоевать всю Эстляндию, и про то, что делать это придется весьма ограниченными силами, а потому вся надежда только на хорошую выучку бойцов, а также на неожиданность удара. А без помощи местных проводников, которые смогут тайно вывести моих ратников к шведским крепостям и замкам, на внезапное нападение рассчитывать не приходится.

— А стены проломить? А ворота открыть? — не отставал Световид.

— Тут уж мои люди управятся. Я их заранее зашлю, так что первый удар будет изнутри. Но даже если все сделать тихо, без особого шума, все равно долго ворота удержать не по-

лучится, поэтому надо, чтобы остальные силы были под боком у города и никто о них ни сном ни духом.

— Им ить и без того несладко живется, а ты сызнава войну в тех краях хотишь затеять, — укоризненно заметил Световид. — Опять разорение.

— При эдакой внезапности никакого разорения быть не должно. Какую-то контрибуцию... дань, — поправился я, натолкнувшись на недоуменный взгляд старика, — мы с городов снимем, но не очень большую, а гарнизоны им и так и так кормить, и без разницы, чьи они, русские или шведские.

— А ежели свеи дознаются, кто их ворогов к градам провел?

— Откуда? — пожал плечами я. — Кроме меня и еще нескольких особо доверенных людей, никто и знать о твоих проводниках не будет. К тому же власть-то там будет наша, русская.

— Поначалу, — поправил меня волхв. — Ты что же, мыслишь, свеи просто так утрутся и не вознамерятся сызнава новую власть забрать?

Пришлось пояснять, что весь мой расчет как раз и базируется на том, что вся война займет от силы три месяца, да и то если брать по максимуму — вдруг где-то пойдет не по плану и придется попрыгать.

Когда же шведы узнают о случившемся, будет поздно, а брать города осадой — это та еще проблемка, особенно учитывая, что и Дмитрий зря терять время не станет, а бросит на подмогу дополнительные войска. При наличии их скинуть врага в море пусть не пара пустяков, но и не так уж тяжело.

Ну а затем, когда с ними окончательно расправимся, придет черед заслуженных наград для проводников да и прочих жителей, которые получают право на свободное исповедание любой религии.

— А дозволят ли? — усомнился Световид.

— Дозволят, — уверенно кивнул я.

Не спорю, многие жители Эстляндии, памятуя, сколько бед им принесли служители Иисуса¹, навряд ли захотят менять шило на мыло, то есть одного Христа на другого, пожелав остаться со своими родными богами, но мне на это, честно признаться, было наплевать.

А в разговорах с православным духовенством я основной упор сделаю на то, что язычество, в которое поначалу уда-

¹ Федор произносит имя Христа, как было принято на Руси до реформы патриарха Никона.

рится местный народец, станет как бы промежуточным звеном на пути к православию.

Думается, и патриарх, и митрополиты благосклонно примут мое пояснение и согласятся с ним, поскольку латины для них гораздо хуже мусульман, не говоря уж об идолопоклонниках. Кстати, последних у нас на Руси сколько угодно, считай, все мелкие народцы, проживающие на северо-востоке, и воспринимаются они православными вполне лояльно. Ну, скажем, вроде заблуждающихся, с которыми надо просто как следует поработать, разъяснив прописные истины про настоящего единого бога, и они со временем все поймут.

Очевидно, Световид уловил мою твердую убежденность, которая прозвучала в ответе, поэтому больше вопросов задавать не стал, лишь осведомившись, когда он мне понадобится. Услышав, что лучше всего встретиться как можно скорее, так как на завтра намечен мой отъезд, волхв коротко кивнул и повернулся в сторону леса.

— Хеллика приведи мне, — негромко сказал он кому-то невидимому.

Из кустов, росших на опушке, высунулась волчья морда. Я вздрогнул от неожиданности, но сразу же понял, кто это. Выдал Избура небольшой пук светлых волос, отчетливо видимый на волчьей голове между ушей, который я заметил, еще когда увидел его в первый раз.

— А он что, поймет? — недоверчиво осведомился я у Световида.

— Покамест не ошибался, — усмехнулся тот. — К тому ж и Хеллик у нас один.

Избур, словно подтверждая слова волхва, коротко рыкнул и исчез. Приказ старика он понял правильно, и будущий проводник Хеллик, как его назвал Световид, появился буквально через полчаса, не позже.

— Допрещь я с ним потолкую, — заметил волхв.

О чем он говорил с молодым, не старше двадцати пяти лет, эстонским парнем, я не знаю, но тот уже спустя несколько минут охотно закивал головой и направился ко мне.

Пока они разговаривали, я еще раз прикинул — не слишком ли тороплюсь со своими приготовлениями. Получалось, не слишком, самое то.

Да и проводник мне понравился. Во-первых, хоть и не больно-то плечист, зато жилистый, а значит — выносливый. Это куда важнее для выполнения предстоящих задач.

Во-вторых, огонек в глазах. Приметил я его, когда мы раз-

говаривали. Поначалу-то он был еле виден, но по мере нашего общения разгорался все сильнее. Значит, понравилось Хеллику мое предложение. Это хорошо. Дело-то рискованное, и азарт тут ох как нужен.

— А в крещении тебя как называли? — осведомился я.

— Маркусом, — хмуро произнес Хеллик. — Токмо меня так мало кто звал. Да и мне оно не по душе.

— Пока придется потерпеть. Тебе же предстоит обойти чуть ли не всю Эстляндию, а языческое имя вызовет подозрения. Вот освободим твою родину, тогда ты, Маркус, снова станешь Хелликом. Только на этот раз носить свое имя будешь, ни от кого не таясь, — обнадежил я его и вновь удовлетворенно отметил, что глаза моего собеседника вспыхнули еще ярче.

Я и в дальнейшем, когда речь шла об Эстляндии, старался избегать слова «захват». Куда лучше звучит «освобождение». К тому же, как мне казалось, я не кривил душой или почти не кривил. В конце концов, я действительно предполагал ликвидировать там крепостное право, вот и получалось, что Русь принесет свободу ее коренным жителям.

— Мне нужно знать незаметные подходы к каждому городу. Ревель — это хорошо, но помимо него в Эстляндии хватает всяких бургов. Вот и приглядишься, — посоветовал я. — Лучше всего сделать это под видом купца. Денег, чтоб прикупить товары, я дам.

— Поначалу мне надо бы заглянуть к нашему тоорумее-су, — вежливо, но твердо поправил меня Хеллик.

— Так кличут у них волхвов бога Тоора, — пояснил подошедший Световид, заметив недоумение на моем лице. — Он у них навроде нашего Перуна.

— Понятно, — кивнул я. — Что ж, посоветуйся. Глядишь, этот тоорумеес подыщет еще пару-тройку проводников для моих ребяток.

— Но я могу обещать ему, что он снова сможет разжечь костер в священной роще? Ты не обманешь? — настойчиво спросил Хеллик.

— Слово князя, — заверил я.

Хеллик помялся, но все-таки решился:

— В старые времена, как я слышал от тоорумееса, ваши князья давали роту¹ на мече. — И уставился на меня, ожидая ответа.

— Хорошо, — вздохнул я и потянул из ножен саблю.

¹ Рота — клятва.

Все получилось как нельзя лучше. Небо помрачнело уже давно, еще до подхода эстонца, но гроза медлила и разразилась всего за несколько минут до начала произнесения мною клятвы. В тот миг, когда я закончил говорить, внезапно недалеко от нас сверкнула молния. Я неспешно поднес клинок к губам, и раздался басовитый удар грома.

— Я скажу тоорумеесу, что твоему слову можно верить, ибо сам Тоора подтвердил его, — заверил на прощанье довольный Хеллик.

Уже плывя по Шексне к Ильмень-озеру, я призадумался. Вот интересно, эта молния вместе с громом случайно совпали по времени с моей клятвой или и впрямь подействовал заговор волхва на удачу?

Так и не найдя ответа, я отложил его поиск до более спокойных времен.

А неожиданная помощь Световида в моей подготовке к военной операции оказалась первой, но не последней...

Глава 2

НЕУДАЧНЫЙ ШТУРМ И УСПЕШНАЯ ОСАДА

До самого приезда в Кострому удача продолжала улыбаться мне. Впрочем, тут основная заслуга принадлежит моей Ксюше, благодаря которой мне удалось уговорить угличского затворника Густава дать свое согласие возглавить поход. Уговорить, хотя поначалу я, честно признаюсь, чуть не загубил все дело.

Мы заглянули к нему в гости по пути к новым владениям Годунова. С какой целью — я Ксении не сказал. Вроде бы война — чисто мужское дело, а потому ни к чему лишний раз беспокоить царевну, особенно учитывая, что сам поход находится под ба-альшущим вопросом и то ли будет, то ли вообще не состоится.

Да и сама идея пришла мне в голову спонтанно, незадолго до того, как мы подплыли к Угличу. За день до того, как показались угличские стены, я услышал, что такая замечательная погода, которая вот уже полторы недели баловала нас теплом и сухью, не случайна, ибо наступило бабье лето, которое, по уверению Ксении, «завсегда приходит опосля Успения»¹.

¹Успение пресвятой богородицы — один из двенадцатых православных праздников, в то время отмечался 15 августа. (*Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.*)

Вообще-то в моем представлении бабье лето всегда ассоциировалось с сентябрем, а сейчас конец августа, но уточнять у царевны я не стал, вовремя вспомнив про смещение в сроках из-за старого стиля, и решил воспользоваться погожими деньками, тем более Углич был по пути.

Поначалу — я не успел даже представить свою спутницу — принц или королевич (признаться, понятия не имею, как правильно звучит его титул, так что в дальнейшем буду называть его то так, то эдак) подумал, что перед ним чета молодоженов, и даже разок назвал Ксению госпожой Мак-Альпин.

Я открыл было рот, чтобы поправить, но потом посмотрел на зардевшуюся от смущения царевну, которая, низко опустив голову, силилась скрыть довольную улыбку, и подумал, что займусь этим позже, за пиршественным столом, а сейчас лучше сделать вид, что не обратил внимания или не расслышал.

Царевна ему понравилась с первого взгляда, это точно. Причем, когда я все-таки пояснил ее нынешний официальный статус сестры престололюбостителя и незамужней девицы, Густав последнему обстоятельству обрадовался как-то слишком бурно.

А вот уболтать его стать королем Эстляндии — да-да, не меньше, чтоб соблазн был головокружительный, — у меня не получилось. Сам виноват — погорячился, действуя напролом и с места в карьер, даже не усевшись за стол. Мне почему-то казалось, что Густав только обрадуется и сразу согласится, а потому проблем не возникнет.

К тому же я говорил даже не от имени наследника и престололюбостителя, но выступал как посланец государя всея Руси Дмитрия Иоанновича, обещая его всемерную поддержку и стрелецкие полки.

Однако не тут-то было. Королевич не просто воспротивился моему предложению, но отказался категорически и наотрез, да еще и, усмехнувшись, добавил, что царь Димитриус куда ниже оценивает его, чем покойный государь Борис Федорович, который в свое время обещал ему добыть не только Эстляндию, но и шведскую корону.

Я смущенно покосился на Ксению, которая в ответ еле заметно кивнула, подтверждая, что именно так все и было. Ну и что тут скажешь?

А Густав, выставив вперед правую ногу, гордо чеканил:

— И тогда, царю Борису Фьедоровичу, и ныне тебе, яко посланцу царя Димитриуса, ответ одинаков: мой отечество меня забыль, но я его помнить и посему вред ему не чинить.

Salus patriae — suprema lex¹. У вас на Руси верно сказывать: не плюй в колодец — сам туда попадешь. — И озадаченно уставился на Ксению Борисовну, которая, не выдержав, прыснула в ладошку от такого забавного смешения пословиц.

Пришлось, улучив момент, пока он самолично бегал по-торапливать медлительных слуг, пояснить ей, что такое предстоит услышать еще не раз, так что надо постараться сдерживать себя и не столь явно выражать свои эмоции.

Его труды не пропали втуне — челядь, поняв, что в этом случае лень чревата, сразу засуетилась, забегала. Когда мы в сопровождении гостеприимного хозяина через полчаса спустились из комнат, которые он выделил для нас, здоровенный стол в большой горнице был полностью заставлен блюдами с соленьями, пареньями и прочей снедью.

Разумеется, в центре стояла солидная бутылка со знакомым мне по прежнему визиту в Углич эликсиром. Принц самолично ринулся наполнять наши кубки, но я вовремя успел удержать его руку и с укоризной напомнить, что Ксения Борисовна — дама и куда приличнее будет налить ей вон той медовухи.

— Фуй, — презрительно сморщился он. — То плебейское. Слуга не подумать и поставить.

— Зато легкое, — возразил я. — Да и мне с дороги тоже желательно чего-нибудь послабее.

Он с видимым сожалением поставил свою бутылку на стол, грустно посмотрел на нее, но противиться не стал, заявив и заодно традиционно все перепутав по своему обыкновению, что желание хозяина — закон для гостя. В порыве самопожертвования он даже сам вызвался пить то же, что и мы.

Вот тогда-то, после того как он поднял свой кубок за здоровье четы Мак-Альпинов, провозгласив в своем обычном ключе, что он чер-ртовски рад за меня, ибо одна голова — хорошо, а два сапога — пара, я, глянув на смущенную Ксению Борисовну, поправил принца, разъяснив ситуацию.

Правда, о том, что она, по сути, моя невеста, умолчал. И хотел бы, особенно заметив, как радостно вспыхнули глаза хозяина терема, но нельзя. Не положено такое. На Руси все начинается с того, что просят согласия у батюшки невесты или, в связи с его отсутствием, вот как в моей ситуации, у ее брата, который ей «в отца место». И пока этого не произошло —

¹ Благо отечества — высший закон (*лат.*).

молчок, даже если с самой невестой все давным-давно обговорено. Так что пришлось ограничиться объяснением, что я всего-навсего провожатый, ибо, будучи в ближних людях царевича, пользуюсь столь великим доверием Федора Борисовича Годунова, что он поручил мне доставить в Кострому его сестру.

— Так ты есть *она*?! — удивленно ахнул Густав и растерянно посмотрел на свой кафтан, который изрядно уступал моему в пышной позолоте, да и вообще был... гм-гм... не первой свежести. В смысле чистый, нарядный, но ношенный, и не раз. — Я должен совсем чуть оставлять вас, ибо... — Он смешался, виновато улыбнулся и опрометью выбежал из-за стола.

— Шибутной, но забавный, — с улыбкой прокомментировала Ксения его стремительное бегство и, оглядывая помещение, в котором мы сидели, по-хозяйски заметила: — А видать, что без женки проживает, да и сам хозяин неважнецкий. Эвон, ажно паутина свисает кой-где. Да и во всем прочем тож запустение, куда ни глянь. И половицы скрипят, и петли на дверях визжат, а угол вон тот и вовсе прогнил. — И, махнув рукой, кратко подытожила, неодобрительно покачав головой: — Сплошь содом.

Я в свою очередь оглядел зал, где мы сидели, и подивился. Нет, сейчас-то, конечно, и моим глазам стали доступны разные недостатки. По всему видно, что холопы, пользуясь тем, что королевич по уши занят своими научными изысканиями, связанными с поиском философского камня, сильно распустились, но чтобы вот так сразу заметить, что где нуждается в исправлении... Нет, будь Ксения какой-нибудь боярышней, да еще из не очень крупных, где мало челяди и приходится вникать во все самой, — это одно, но она ж царевна.

Я недоуменно уставился на нее.

— И как ты только успела все подметить? Я так вот только сейчас, да и то не все увидел, а ты даже про угол не забыла, который прогнил.

— Несет оттуда изрядно, вот и почуяла. А коль аж до нас доходит, хошь и угол чуть ли не в двух саженьях, стало быть, цельная дыра там. Ну и откель ей взяться, ежели не от гнили?

— Здорово, — кивнул я.

— Да я что, — засмушалась царевна. — Вот матушка моя — она уж очень сквозняков боится, — дак любую шелку, даже саму махоньку, вмиг почует, и уж тогда держись. Так холопей распушит, что токмо перья кругом летят. — И тут же, меняя тему, посетовала: — А что ж ты так сразу на него

накинулся со своим дельцем? Нешто с порога к такому приступают, к тому ж столь важному.

— Думал, обрадуется моему предложению. Решил, что человек из такой глуши с радостью поедет куда скажут, а уж в Ревель тем более, — пояснил я свой промах. — К тому же здесь он вроде как в ссылке, а там совсем иное — сам себе хозяин. — И с досадой почесал в затылке. — Плохо, конечно, получилось.

— Надо тебе было меня упредить, — мягко попеняла Ксения. — Али вышла уж из доверия?

— Ну что ты, — заторопился я разубедить ее, приметив обиженную нотку в голосе. Так, самую малость, но она присутствовала, поэтому я поспешил оправдаться: — Просто ты была занята столь важными делами, что я не решился тебя отвлекать.

Она зарделась, поняв, на что именно я намекаю.

Дело в том, что чуть ли не с первого дня пути она частенько задавала моей ключнице разные вопросы насчет целебных свойств трав. Марья Петровна, весьма довольная тем, что заполучила в ученицы саму царевну, была словоохотлива и секретов не таила. Однако стоило мне подойти, как Ксения зачастую резко обрывала фразу или, краснея, круто меняла тему, хотя я все равно выяснил, чем именно больше всего интересуется любопытная ученица бывшей ведьмы.

Сделать это было легко, ведь Петровна давала царевне не только теоретические уроки, рассказывая о свойствах трав, но и практические, показывая их и обучая правильному сбору. Едва мы делали очередной привал — как правило, в пустынном месте, я продолжал соблюдать меры безопасности, — как женщины тут же исчезали. Из той же предосторожности на прогулках их всегда сопровождали я и десяток гвардейцев, так что до меня нет-нет да и доносились обрывки их разговоров.

Касаемо сборов главной целью была прикрыш-трава¹, которой царевна интересовалась пуще всех прочих и которой они с ключницей насобирали чуть ли не мешок. Дескать, самое ей время — с Успения до Покрова. Как бы мимоходом от той же Петровны я узнал, что она весьма полезна против злых наговоров на свадьбу, после чего сделал определенные выводы.

¹ Прикрыш-трава (она же волкобой, омег, блекот, дегтярка, недоспелка, копеечный чистяк, овечье рунишко, черное зелье, одномесячник) — борец шерстистоустый из семейства лютиковых.

Ну и разговоры соответственные, касающиеся сватовства, сговора, обручения и, разумеется, самой свадьбы, а также обязанностей молодой хозяйки терема.

Словом, не тем были заняты мысли моей Ксюши, на что я ей сейчас и намекнул, озабоченно посетовав, что понятия не имею, чем мне теперь соблазнить шведа.

— Соблазнить... — многозначительно протянула Ксения и, лукаво улыбнувшись, предложила: — А дозвожь я с ним сама потолкую.

— Ты?! — удивился я.

— А что? Мыслишь, не управлюсь? — задорно усмехнулась она. — А мне так сдается, будто мое словцо подходчивей будет, уж больно он... — Но не договорила, осеклась и сменила тему: — К тому ж ты сам сказывал, что покуда соблазнов для него не подыскал. Вот покамест и подумай, каку рыбку позаманчивей оной щучке предложить, чтоб она твой крючок заглотала. Я ж тем временем с иного боку зайду — глядишь, и выйдет чего.

Вот интересно, что она собирается с ним сделать? Или решила потренироваться и применить на практике свои недавно полученные теоретические познания во флоре? Эх, Ксюша, Ксюша, если бы все в жизни было так легко и просто.

«А впрочем, этот порыв помочь мне даже на руку, — мелькнуло в голове. — Что-то у них с Федором перебор по суевериям. Даже с учетом того, что ныне вся Русь верит в такие вещи, у них это все равно с перехлестом. Понимаю, наследство, папины гены, вот и пусть наглядно убедится в бессилии колдовских сил». И я, довольный каламбуром, мягко улыбнувшись ей, дал добро:

— Отчего ж не попробовать.

— Вот и спасибочки, что доверил, — певуче поблагодарила Ксения, но тут же попросила: — Токмо ты покамест боле говорю¹ про Эстляндию свейскую вовсе не веди — не надобно. Коль уж доверился мне, так пожди малость. — И, заметив вернувшегося хозяина терема, пропела: — О-о, какой же вы рядный да пригожий, Густав Эрикович. Хошь ныне под венец.

Комплимент королевич оценил по достоинству и принял его, судя по густому румянцу, всерьез. Признаться, никогда не видел, чтоб мужики сорока лет от роду... ну, пускай тридцати семи, неважно, так отчаянно краснели.

¹ Г о в о р я — разговор.

— То я вспомнить, что на Руси встречать по одеже, а провозжать по роже, — смущенно пояснил он.

Ксения еле заметно прикусила нижнюю губку, удерживая себя от смеха и ограничиваясь улыбкой, после чего выдала еще пару таких же лестных замечаний в адрес принца, от которых он окончательно потерял голову.

Единственный раз он помрачнел, когда вспомнил, что пятью годами ранее сам отказался от эдакого счастья, по поводу чего выразил вслух свое горячее сожаление. В свое оправдание он заметил, что тогда не знал, какого чудесного ангела уготовил ему благосклонный жребий, ибо лицезреть ее лик неземной красоты ему доселе не доводилось.

Вообще-то, честно говоря, я не совсем понимал Ксюшу. Вроде бы вызвалась мне помочь уговорить принца претендовать на престол Эстляндии, а в чем на деле выражается ее помощь? Мало того что она ни словечком не заикнулась о моем предложении в первый вечер, так и на следующий день вела себя так, будто совсем забыла о нем, а вместо этого, испросив у Густава разрешение чуток похозяйничать, на что он с радостью согласился, занялась... наведением порядка в хоромах, поставив всех на уши.

Бедный Харитон, наверно, за все время пребывания в должности дворского не получал такой кучи вводных и теперь, даже задействовав всех холопов на полную катушку, только и успевал метаться по палатам, отчаянно пытаясь запомнить все указания Ксении. Надо отдать ей должное, она не кричала, не топала ногами, а говорила спокойно и действовала весьма методично, попутно успевая втолковать ошалевшему Харитону, как лучше и быстрее сделать то или иное, если действовать в нужной последовательности.

Прочие холопы поначалу не проявляли особого энтузиазма. Зашевелились они ближе к полудню, после того как двоих отправил на конюшню дворский, а третьего подключившийся Густав, где всю троицу незамедлительно и душевно выпороли. Подбадриваемые истошными воплями, несущимися из конюшни, остальные наконец-то засуетились, а потом и забегали, включившись в стремительный темп, заданный неугомонной Ксенией Борисовной.

Но кроме наведения порядка царевна успевала и многое другое. Например, осмотрела лабораторию, где стоял тягостный сивушный дух, вдобавок отягощенный какими-то испарениями и прочими ароматами химических реакций.

Ксения не морщила нос и стоически выдержала целых де-

сять минут, в течение которых внимательно выслушивала все пояснения хозяина, обильно перемежаемые латынью, особенно после того, как Густав выяснил, что царица ее достаточно хорошо понимает. Первая фраза сорвалась с его губ случайно.

— *Similia similibus curantur*¹, — пояснил он суть одного из своих многообещающих экспериментов, посмотрел на Ксению, спохватился и, виновато улыбнувшись, заметил, что сейчас переведет сказанное, но царица кротко молвила, что она и так все поняла.

Принц изумленно посмотрел на нее. Избытком деликатности он не страдал и потому с подозрением спросил:

— Так ты знать язык древних римлян?!

— Самую малость, — простодушно уточнила Ксения.

Усомнившись, он попытался было проверить девушку, с коварной ухмылкой заявив:

— *Otium sine litteris mors est et hominis vivi sepultura. Non ut edam vivo, sed ut vivam edo*². — И с любопытством уставился на царицу.

Не подавая виду, что прекрасно поняла истинную цель сказанного, та подхватила:

— Ох, ну как же вы правы, Густав Эрикович. — И добавила: — Я ить и сама так считаю: *esse oportet ut vivas, non vivere ut edas*³.

— Но тогда это совсем все менять! — восторженно завопил он и незамедлительно перестал стесняться, так что латинские фразы понеслись у него чуть ли не в строгом чередовании с русскими, причем порой он вообще забывал о том, что я стою рядом, и обращался только к Ксении.

Царица держалась достойно. Стоило Густаву что-то сказать на языке древних римлян, как Ксения или согласно кивала, комментируя его слова по-русски, или подыскивала аналогичное латинское выражение.

Надо ли говорить, что принц цвел и благоухал от счастья, поделившись с нею даже такими секретами, которые не открыл и мне во время моего первого визита в Углич. Правда, он был достаточно честен, и хотя его несколько заносило в бахвальстве, но в главном он стремился соблюсти истину,

¹ Подобное излечивается подобным (*лат.*).

² Досуг без занятий наукой — это смерть и погребение живого человека. Не для того, чтобы есть, я живу, а для того, чтобы жить, ем (*лат.*).

³ Надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть (*лат.*).

отметив, что до создания философского камня ему еще далеко, хотя некоторые последние эксперименты позволяют надеяться, что он изрядно приблизился к желанному положительному результату.

А вечером за трапезой он настолько разоткровенничался, что, будучи практически трезвым — чара медовухи в обед для его закаленного эликсирами организма не в счет, — принялся в подробностях рассказывать о своей несчастной сиротской жизни.

Спустя сутки, когда порядок во всех царских палатах, включая даже расчищенный от хлама и посыпанный свежим песочком двор перед самым теремом, стал, на мой взгляд, идеален, а по мнению царевны, «так себе, но хоть что-то», восторг принца от своей гостью достиг апогея.

Дальше было уже некуда.

— О-о-о! — закатил глаза принц, усевшись за вечернюю трапезу и подняв кубок с очередной здравицей в честь энергичной гостью. — О-о-о, Ксения Борисовна! — с трудом, чуть запинаясь, старательно выговорил он ее имя-отчество, после чего последовал очередной набор похвал.

«Ангел неземной красоты и светоч ума, который в один из счастливейших августовских дней удостоил несчастного узника своим посещением», слушая их, только краснела и иногда легонечко улыбалась, не в силах сдержать свои чувства при цитировании им очередной пословицы, которыми Густав сыпал как обычно, то есть вкривь и вкось.

Вот за трапезой царевна и затронула тему Эстляндии, но не впрямую, а умело подвела к ней принца, причем вначале дождалась его недвусмысленного намека на сватовство. Тогда она и выдала в ответ:

— Я ж как-никак царская дочка, поэтому мне и замуж выходить за боярина какого несподручно. И батюшка мой, когда жениха мне сыскивал, о том же сказывал. Мол, в супружестве лучшей всего ровня, чтоб никому обидно не было. Раз царевна — стало быть, за царя али за короля. И пушай в его владениях не больно-то много землицы, ан все одно — титла должна быть беспрерывно.

— Но аз есмь как раз сын короля, — гордо подбоченился Густав. — Значит, выходит, что...

— Ан ничего не выходит, — пропела Ксения Борисовна. — Мой батюшка и богу душу отдал, сидючи на троне, а твоего, яко я слыхивала, братцы родные сместили. Поэтому ежели и выходит, то вовсе иное.

— Но ведь твой брат Федор ныне тоже не есть царь, — возразил Густав, — а потому у нас с ним и тут одинаково, что в рот, что по лбу!

— Зато он престололюбоститель, — выкрутилась Ксения, с трудом сдержав смехок. — Опять-таки ежели землицу счесть, коя ему ныне дадена, дак там можно с десяток свейских королевств всунуть, да еще и местечко останется. Но господь с ней, с землицей, — отмахнулась она. — Ни к чему нам чети¹ считать — чай, не холопы. Одначе хошь какая-нибудь, да должна быти, а ежели вовсе нет, то какой же он тогда король?

— Я ныне владеть и повелевать Угличем и всей землей, коя дадена мне как раз твоим батюшкой, — возмущенно заявил Густав.

— Коль дадена, так ты ей тогда, выходит, не владелец все — вечор дадена, а поутру отобрана. — И нежно проворковала, смягчая свой отказ: — Ты не серчай, Густав Эрикович, что я с тобой вот так напрямик говорю веду. Не хочу я ходить вокруг да около, а сразу сказываю, что мой братец тебе ответит, ежели ты к нему сватать меня заявишься. Супротив же его воли мне идти невместно, потому как у него надо мной ныне отцовская власть. А вот будь у тебя землица, да холопья с боярством под рукой, да ратники удалые, тогда...

Она сделала вид, что призадумалась, и, опустив голову, принялась рассеянно водить пальцем по столу. Густав затаив дыхание ждал продолжения, но, не выдержав, спросил:

— И что есть тогда?

— Тогда... — неспешно протянула Ксения, вновь сделала паузу, затем глубоко вздохнула, подняла голову и с лукавой улыбкой продолжила: — А я и сама не ведаю, что будет тогда. — И, не давая ему опомниться, встала. — А ныне час уже поздний, поэтому дозволю на покой отойти, Густав Эрикович.

Я тоже было поднялся с места, но она незаметно для королевича дала понять, что провожать ее не нужно и мне лучше остаться, дабы «добить» Густава.

Что ж, приходится признать, что последствия моего неудачного скороспелого штурма полностью устранены. Или не полностью?..

¹ Четь (четверть) — единица пахотной земли, на которой высевали четверть ржи (отсюда и название). Составляла примерно половину десятины (0,58 га).

Глава 3
СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ,
ПОЙМАЮТ — НЕ ВЫЛЕТИШЬ

Едва царевна удалилась, как принц взвыл и забегал из угла в угол, периодически вскидывая руки к потолку, и срывающимся от восторга голосом выкрикивал нечто высокопарное:

— О-о-о, lumen coeli! О-о-о, sancta rosa!¹

Угомонился он не сразу, но первым делом, плюхнувшись на свой стул, потребовал от меня дать ему хороший совет, как завоевать сердце неприступной красавицы.

Я хотел было напомнить насчет предложения Дмитрия, но, решив, что лучше всего будет, если он сам вспомнит о нем, не сказал ни слова, а в ответ на повторный вопрос Густава только неопределенно передернул плечами, давая понять, чтоб думал сам, и принялся с энтузиазмом наворачивать свиную грудинку с бесподобным пирогом.

Принц укоризненно уставился на меня — дескать, как я могу преспокойно лопать в такие минуты, но я не поддавался, внимания на его тяжкие вздохи не обращал и продолжал энергично работать челюстями.

Густав терпеливо дождался, пока из моей миски не исчезнет последний кусок, открыл было рот, чтобы поделиться своими соображениями, но я сразу же, без перерыва переключился на вкуснющие яблочно-медовые лепешки, запивая их столь же приятным яблочным квасом.

— Я думать, что ты мне друг, — не выдержал принц, — что ты помогать, а ты есть...

Возмущение его было столь велико, что нужного слова он так и не сумел подыскать, оставив фразу незаконченной, после чего вновь вскочил и забегал из угла в угол, но спустя несколько минут, плюхнувшись на стул, заявил:

— Кажется, я все придумать!

Ответить я не мог, ибо как раз парой секунд ранее запихал в рот изрядный кусок лепешки, поэтому лишь одобрительно промычал в ответ, давая понять, что я весьма рад этому обстоятельству.

— И ты мне помогать, — строго заметил он. — Друг все-

¹ О свет небес, о святая роза (*лат.*).

гда есть помогать, ибо — *amicus cognoscitur amore, more, ore, re*¹, вот ты и...

Интересно, с чего он решил, что я его друг? Впрочем, возражения были неуместны, поэтому я вновь промышчал нечто неопределенное.

— И мы с тобой ее украсть, — радостно сообщил он мне и... кинулся хлопать меня по спине, поскольку я незамедлительно поперхнулся и закашлялся от восторга перед столь дивной увлекательной идеей.

Придет же такое на ум?! Ох, переборщила Ксения Борисовна. Вполне хватило бы, чтоб у принца поехала крыша, а тут, судя по всему, ее попросту снесло. И что мне теперь делать?

Наконец я кое-как откашлялся, слегка отдышался и выпалил:

— С ума сошел?!

— А что? — удивился Густав. — Я слышать, что есть на Руси такой обычай, когда мать-отец против, а жених и невеста любить друг друга.

— А с чего ты взял, что невеста, то есть Ксения Борисовна, тебя полюбила?! — возмущенно осведомился я.

— Ну как же, — растерянно развел руками он. — Она сама говорить, что я есть пригож, ум мой хорош, и еще я славный, — припомнил он под конец. — Не попало кому такое не сказывают.

— Что такое комплимент, ты, надеюсь, знаешь? — поинтересовался я, решив чуть-чуть сбить азарт с не на шутку разошедшегося шведа.

Тот утвердительно кивнул и озадаченно уставился на меня.

Пришлось пояснить, что Ксения Борисовна, характеризуя кое-какие качества принца, скорее их проавансировала, поскольку на самом деле они, возможно, в нем присутствуют, но являются нераскрытыми и не проявились в конкретных делах. Вот, например, слово «славный». Оно на Руси означает известность, причем полученную в боях и громких победах, то есть ратную. А откуда ей пока взяться, если принц из Углича ни ногой, и даже когда его в кои веки позвали за этой самой славой, он отказался. Ну и о чем тогда говорить?

Про остальное, особенно о пригожести, говорить как есть не стал, пожалев мужика. Отделался обтекаемым:

¹ Друг познается по любви, нраву, речам, делам (*лат.*).

— И вообще, в горячке, чтобы сделать приятное человеку, чего только не скажешь. — И придиричиво оглядел его.

М-да-а, видок у него еще тот.

Нет, что касаясь нарядности — полный порядок. Все на своих местах, одежда блестит и сияет, сапоги вон жемчугом расшиты, а кафтан даже при свете свечей переливается от золотого шитья.

Зато внешность...

Дело, конечно, вкуса, а любовь зла, так что кому-то очень даже пришлось бы по душе и такой, только не царевне. Одни мешки под глазами чего стоят. А уж вкупе с отекающей кожей нездорового цвета... Словом, весьма выразительное зрелище. Как там поется в песенке? «Пять минут у зеркала постой. Ты все поймешь. Ты все увидишь сам...»

Нет-нет, ревность ни при чем. Признаться, на минутку-другую и впрямь становилось немного не по себе, когда она ворковала с ним, но это же для дела. Кроме того, после всего, что у нас было с Ксенией, считать Густава потенциальным конкурентом просто смешно.

Смешно и глупо.

Но и совет насчет зеркала тоже бесполезен. Не тот случай. Вон у него какой ошалелый, затуманенный взгляд. Оставалось только вздохнуть — ох уж эти женщины! Такое порой настряпают, что ой-ой-ой, а нам, мужикам, потом расхлебывай.

И какой умник сказал, что кашу маслом не испортишь? Очень даже запросто. Если кого интересует рецепт — обращайтесь к моей Ксюше. И ведь не упрекнешь — для меня старалась.

Однако мой намек насчет славного и славы Густав пропустил мимо ушей, так что пришлось зайти с другого бока.

— А обо мне ты подумал? — осведомился я.

— Ты бояться, — не понял меня Густав и попытался ободрить: — Кто волков бояться — тому глаз вон. Думать, что ее слуги стрелять?

— Ее слуги стрелять нет! — От возмущения я даже перешел на его стиль речи. — А вот мои стрелять о-го-го.

— В тебя?! — вытаращил глаза недоумевающий принц.

— Да не в меня, а в тебя, — поправил я.

Наступила пауза. Нахмурившийся Густав пытался сообразить, почему мои гвардейцы станут в него палить, а я быстренько прикидывал, как бы половчей еще раз натолкнуть принца на иной выход.

Так ничего и не придумав, я приоткрыл завесу тайны и пояснил главную причину, по которой не смогу стать ему помощником в деле кражи невесты. Нет-нет, я тоже питаю к нему дружеские чувства и любую другую умыкну, если, разумеется, согласна сама девушка, но вот именно царевну... Договаривать не стал, предоставив ему самому додуматься почему.

Судя по оценивающему взгляду, Густав был достаточно догадливым. Но, дабы успокоить его, я сразу добавил, что, к сожалению, в связи с отсутствием не только городов, сел, деревень, не говоря уж о прочих владениях, но и славных ратных побед, мне пока что предлагать царевне свою руку и сердце не имеет смысла.

Так, оценивающий взгляд слегка потеплел, подозрительность исчезла, хотя настороженность осталась. Придется добавить. И я рассказал про дополнительные обстоятельства, которые тоже заставляют меня не только хранить гробовое молчание, но даже и не помышлять ни о чем таком.

Мол, я поклялся доставить царевну живой и здоровой к ее брату, а свое слово привык держать. Кроме того, в качестве довеска я упомянул и об особом отношении к царевне нашего государя. Нет-нет, он тоже хранит обещание, данное им ясновельможной пани Марине Мнишек, и Густав может не опасаться каких-либо поползновений с его стороны. Но, всячески заботясь о Ксении Борисовне, он взял под особый контроль выбор ее будущего мужа, и я от имени ее брата Федора Борисовича даже дал Дмитрию Иоанновичу слово, что царевна выйдет замуж лишь после того, как получит разрешение на брак от государя.

— Значит, я иди к царю, — решительно произнес Густав.

— Бесплезно, — махнул рукой я и намекнул: — У него голова сейчас только Эстляндией занята, так что ни о чем другом он и думать не желает. — И усталился на принца, в надежде что хоть теперь он вспомнит о моем предложении.

Однако увы.

Дошло до него только через пару часов, и он, не став дожидаться утра, попытался вломиться в мою светелку, затеяв громкую перепалку с бдительными караульными, дежурившими подле двери. Пришлось вмешаться, впустить его и до рассвета выслушивать «блистательный мысль» о том, как покорить сердце царевны.

Вначале я немного испытал его на прочность, уточнив, не слишком ли скоропалительно он поведал мне о своем реше-

нии, которое уж больно разнится с точкой зрения, высказанной не далее как два дня назад.

— Я есть наследник престола, — пояснил он. — Однако я все понимать и готов отказать от свой прав на него, но взамен... Если даже младший сын моего дяди Иоанна, кой меньше прав на престол, чем я, стать герцог Эстрегётландский, то мое право взамен отказа на корона требовать Эстляндия неоспоримо. А если он мне отказать, то... — И угрожающе засопел.

— И ты твердо это решил? — на всякий случай продолжал я допытываться. — Не передумаешь?

— Я — принц. — Он замялся, припоминая, и наконец выдал очередной виртуозный шедевр русского фольклора в шведской аранжировке: — Слово не воробей, поймают — не вылетишь.

Правда, он хотел вначале сделать предложение Ксении, а уж потом заняться сочинением гневного письма своему дядюшке Карлу IX¹, потребовав у него часть отцовского наследства в виде Эстляндии, но я отсоветовал, пояснив, что неизвестно, как и что получится с походом, а на Руси не принято делить шкуру неубитого медведя.

Вот когда он войдет в захваченный Ревель, сядет на трон и примется повелевать приобретенными подданными, можно будет и предложить Годуновой свою руку, сердце, а заодно и эликсир. Но до того ни-ни.

Однако Густав сразу же заверил меня, что не сомневается в успехе, и заявил, что, странствуя по европейским странам, многое повидал, и к тому же занятия алхимией... Не зря же его называют новым Парацельсом, и в грядущем походе он намерен в полной мере доказать истинность своего прозвища.

— Ты, — палец устремился на меня, — иди со мной, и я показывать тебе то, с чем победить даже глупец...

Заинтригованный, я быстро оделся и поспешил следом за Густавом, который, жаждая немедля похвалиться своими изобретениями, не шел, а бежал в свою лабораторию, перебегающая на лестнице через ступеньку, будто мальчишка.

Едва мы пришли, как принц полез в какой-то хитро устроенный в стене тайничок, откуда достал нечто продолгова-

¹ Карл IX (1550—1611), регент Шведского королевства с 1597 г. В 1598 г. добился низложения своего племянника, короля Швеции и Речи Посполитой Сигизмунда III. В 1604 г. принял титул короля, но официально короновался только в 1607 г.

тое и достаточно тяжелое, горделиво протянув мне извлеченную штуковину. Я взял ее в руки и принялся разглядывать.

Раскрытая мне Густавом тайна и впрямь вызывала восхищение. Дело в том, что он изобрел самую что ни на есть гранату, которая была практически готова к употреблению, разве что отсутствовало кольцо. Отверстие, куда должен ввинчиваться запал, имелось, но вместо запала из этой дырки свисала небольшая веревочка, второй конец которой уходил внутрь яйца, а само отверстие было аккуратно залеплено воском.

— Она есть пропитана особой смесью, состоящей из... — вновь начал было пояснять он, тыча пальцем в веревочку, но я перебил его:

— Ты гений!

Принц ухмыльнулся, самодовольно кивнул, принимая мою похвалу как должное, после чего заявил:

— Я видеть такой раньше во Франция, но их хлипкий безделушка ничто в сравнение с моим монстром¹. К тому же я ввел много новшеств. Гляди. — Он бережно провел пальцем по веревочке и самодовольно пояснил: — У них фитиль фуй, потом гореть, сейчас погас, а мой...

Из дальнейшего рассказа Густава выяснилось, что, оказывается, он давно подметил неустойчивое горение фитиля, которое не позволяло предугадать время до взрыва. К тому же зачастую фитиль гас при ударе о землю. Вдобавок из-за отсутствия точных расчетов солдат противника имел возможность отбежать на безопасное расстояние или даже успеть отшвырнуть гранату обратно. Зато теперь...

Вначале принц изобрел смесь селитры с порохом, которой пропитал фитиль. Поскольку однородная смесь горела с одинаковой скоростью, можно было почти точно рассчитать момент броска. Затем, когда Густав понял, что веревка слишком подвержена сырости, он после некоторых размышлений внес дополнительную защиту из специально пропитанной клеем оплетки...

Словом, если быть кратким, то он изобрел бикфордов шнур, и я тут же назвал его гением вдвойне, а он, довольно заулыбавшись, заметил:

— А ты думать, я просто так пугать царь Борис зажечь Москва? Хо! Но ты не говори гоп, коли рожа крива, ибо это еще

¹ Густав, мягко говоря, преувеличил. Еще в 1405 г. Конрад Кайзер фон Айштадт впервые предложил использовать чугунный корпус для ручных метательных снарядов.

не все. Я придумать такое же и с ядро пушка. Ныне его ка-
лить докрасна, так?

— Так, — подтвердил я.

— А зачем? Прок с того пустяк, грош выеденный не сто-
ит. Загорится дом или нет — неведомо, к тому ж в него надо
еще попасть. А ежели его сделать так же пусто и засыпать в
ядро порох, то...

— Ты тройне гений! — не дослушав, с еще большим вос-
торгом произнес я.

Еще бы, разрывной снаряд — это вам не шухры-мухры,
как говаривала давным-давно, четыреста лет назад, точнее,
вперед, одна моя знакомая.

— Я думать и еще, — предупредил меня принц. — Я мыс-
лить одолеть всадник. Мой королевство мало конь, и я ду-
мать, яко помочь пеший ратник...

На завтрак, невзирая на ранний подъем, мы с ним опоз-
дали, и несколько встревоженная нашим дружным отсутст-
вием Ксения отправила на розыски гвардейцев. Осторожно
заглянувший в лабораторию Дубец вытарачил глаза, когда
увидел, как мы с принцем, усевшись на полу — места на за-
хламленном столе было мало, требовался простор, вот мы и
переползли вниз — и наперебой тыча пальцами в чертежи,
громко спорили.

— Но этот змеиный ров хорош только при достаточной
ширине, иначе его преодолет слишком много конницы, —
доказывал я.

— Твой глупый голова ничего не понимать! Для того и
мыслить совсем рядом копать другой — так проще, чем де-
лать первый в сажень ширина, — кипятился хозяин терема.

И даже сдержанный кашель Дубца, которым тот дал знать
о своем присутствии, не сразу привел нас в чувство, вернув в
окружающий мир. Лишь спустя минуту мы услышали его и
принялись рассеянно оглядываться — что за посторонний
звук и откуда? Затем оба ошалело уставились на моего гвар-
дейца, переглянулись и дружно рассмеялись.

— Там того, Ксения Борисовна на трапезу кличет, — по-
яснил свое появление Дубец.

Мы как по команде сожалеюще вздохнули.

— Потом вернемся, — предложил я. — Надо договорить.

— Да, — согласился Густав. — И я тебя убедить, что змеи-
ный ров лучше всего учинять...

Однако после завтрака пришлось тащить залюбовавшегося
царевной Густава в лабораторию чуть ли не на аркане —

узнав, что на завтра запланирован наш отъезд, принц моментально забыл про особенности своих рвов и прочих сооружений, с умилением любясь Ксенией, однако я оказался настойчивее.

Обсуждали мы с ним проблемы фортификации чуть ли не до обеда, а попутно я успокоил королевича относительно количества жертв нашего грядущего нападения на Эстляндию, заверив, что теперь-то точно учиню неприятелю самый настоящий блицкриг, при котором сведу к минимуму число погибших, постаравшись сделать так, чтобы оно не превысило двух сотен.

— Это много, — вздохнул Густав. — Если при каждый замок погибать две сотни, то...

— Всего две сотни, — пояснил я и уточнил: — За все время.

— Шутить, — понимающе кивнул принц.

— Нет, — мотнул головой я. — С войной шутки плохи. Сейчас, правда, я не готов тебе ничего рассказать, потому что тактика взятия крепостей мною до конца не отработана, но, когда мы выступим, ты сам убедишься, что будет все именно так, как я тебе обещаю.

— Но столь мало смерть... Как ты думаешь добиться такое?

— Говорю же, пока точно и сам не знаю, — решил я придержать кое-какие задумки. — Я, принц, как русский народ, который никогда не имеет плана действий, но зато страшен всем именно своей импровизацией.

— Я быть в Оверэйсел¹, — поморщился Густав. — Тогда я и видеть, яко Мориц Оранский братъ города Энсхеде и Олдензал. Это быть за два лета до того, как я приехать на Русь. Спорить нет, он хороший воевода, но его люди...

— Его нападения ждали, — возразил я, — а наше будет неожиданностью, так что никаких кровопролитных штурмов.

— Больше всего погибать не при оборона, — уныло вздохнул королевич. — Больше всего погибать, когда воины входят в город. При взятии эти наймиты творить такое... — Он махнул рукой.

— Ах вон что... — протянул я. — Можешь быть спокоен, Густав Эрикович. В нашей войске наемники иные — грабить, насиловать и убивать не обучены, а чтоб не было соблазна, я приму дополнительные меры.

¹ Имеется в виду одна из семи северных провинций, вошедшая в состав Соединенных провинций Нидерландов.

— Не обманывать? — настороженно покосился на меня Густав.

— При-инц, — с укоризной посмотрел я на него. — Я хоть и не королевич, как ты, но про то, что надлежит хранить верность своему слову, никогда не забываю. Будет приказ соблюдать строжайший порядок, а кара за его нарушение — расстрел на месте. — И негодуяще фыркнул. — Еще не хватало, чтоб мои гвардейцы стали мародерами и насильниками.

Густав сразу заметно повеселел, а я подумал, что следом за моими ребятами придут московские стрельцы, которые и займут места в бывших шведских казармах. Пожалуй, навести порядок среди них будет куда тяжелее, чем среди своей неизбалованной гвардии. Тут уж без царского указа не обойтись, и я мысленно поставил себе очередную галочку-напоминание, чем надлежит заняться по прибытии в Кострому.

Да уж, не успел добраться до Годунова, а дел накопилось выше крыши — только вертись, поэтому я, коротко заметив Густаву, что перед смертью не надышишься, отказал принцу в просьбе погостить еще хотя бы несколько дней. Однако на один денек задержаться все равно пришлось, поскольку предстояло составить грамотку, адресованную его дяде Карлу IX, и принц затеял бурные дебаты по поводу текста начиная с первых же строк, то бишь с самого титула.

Честно говоря, я сразу заподозрил, что с его стороны такие споры вызваны лишь тем, чтобы потянуть время и не мытьем, так катаньем заставить меня притормозить на день наш с царевной отъезд. Как-то сомнительно мне было, что его дядька, невзирая на решительную победу над своим племянником, польско-шведским королем Сигизмундом, случившуюся аж семь лет назад, так до сих пор официально и не короновался.

Густав уверял, что это вызвано опасениями Карла — вдруг ему предъявит законные претензии еще один королевский племянник, герцог Эстрегётландский, который, будучи родным братом Сигизмунда, имеет куда больше прав на шведскую корону. И хотя тот в прошлом году официально отрекся от своих прав в пользу дяди, решив, по предположению Густава, что «лучше иметь синица в небе», Карл все равно колебался насчет коронации. Во всяком случае, королевич до сих пор не получал об этом никаких известий, хотя последний раз встречался с купцом из Швеции не далее как три месяца назад.

Именно поэтому Густав, зло кривя лицо — не иначе как вспомнил все невзгоды и скитания по Европе, — мстительно настаивал на формулировке в обращении к дядьке-узурпато-

ру как к «первейшему лицу Совета и регенту Шведского королевства», а я упирался на короле.

Дебаты длились чуть ли не час, но тут с прогулки вернулась Ксения Борисовна и, узнав, в чем дело, предложила отложить спор, а позже написать титул в точности так, как Карла именует государь Дмитрий Иванович. На этом и остановились.

В дальнейшем благодаря ее присутствию составление чернового текста пошло куда быстрее, поскольку стоило царевне предложить свой вариант, то даже если он не совпадал или вовсе противоречил предложенному Густавом, принц, выдав очередную порцию восторгов и похвал ее уму, без колебаний соглашался на него.

Лишь в самом конце, уже после обеда, когда Ксения, заявив, что притомилась, покинула нас, Густав выразил сомнение в том, что, прочитав послание, Карл отвергнет его. Уж больно мягко и вежливо звучали формулировки.

— Так радоваться надо — тогда войны не будет, — не понял я.

— А как же я стану славен, коль она не случится? — резонно осведомился Густав.

Я почесал в затылке. Действительно, получалось, что никак. Пришлось отделаться замечанием, что до следующей зимы далеко, так что...

Договорить я не успел. Едва услышав про следующую зиму, Густав чуть не подскочил на своем стуле и завопил, что ждать столь долгий срок он наотрез отказывается. Мои возражения по поводу неготовности армии в настоящий момент он отверг напрочь, заявив, что недостающее качество можно запросто компенсировать удвоенным количеством, и вообще, благодаря такому чудо-оружию, которое он вручил мне, никакой Карл перед русскими войсками не устоит, благо что при наступлении в зимнюю пору шведским гарнизонам не видать подкреплений, поэтому завладеть городами в Эстляндии будет легче легкого.

Я попытался напомнить про лишние жертвы, которые в таком случае неизбежны, но у королевича весь гуманизм неожиданно исчез — куда он делся, ума не приложу. Ох и кровожадная штука эта любовь. Кровожадная и эгоистичная — вынь да положь ему сватовство и свадьбу уже следующей весной, а то у него терпезу нет.

Хотя резоны в его рассуждениях имелись, даже если отместить в сторону главного конкурента, то есть меня.

— Ей ныне уже сколько летов? — наседал он на меня. — Я слышать, что на Руси дозволено венчаться в пятнадцать лет, а баба в восемнадцать или в полных два десятка есть староперок.

— Чего?! — вытаращился я на него.

Он замялся, размышляя, как лучше пояснить, но я успел понять вывернутое им наизнанку слово чуть раньше его толкования, однако возмутиться по поводу перестарка не успел, ибо Густав оказался проворнее, заметив, что речь об ином. Где гарантия, что царевна не решит выйти замуж уже этой зимой, учитывая свои лета? И он с подозрением посмотрел на меня.

Ссылка на то, что сейчас Ксения Борисовна, так же, как и ее брат, находятся в глубокой печали¹, которая сменится на обычную аж после Покрова и в январе перейдет в полупечаль, то есть траур закончится только в середине апреля, а во время него ни о какой свадьбе не может быть речи, не помогла.

Оказывается, Густав все это разложил еще раньше, посчитав, что ему необходимо уложиться как раз к официальному концу скорби. Для надежности.

— Если бы ее брат Фьёдор Борисович сам пообещать мне ее руку, тогда мне не торопиться можно, — начал было Густав, но оборвал себя на полуслове и, виновато улыбнувшись, заметил, что и в случае такого обещания он все равно бы поспешил, поскольку помимо опасений появления иных претендентов на ее руку ему и самому невмочь пребывать в столь долгом ожидании счастливого дня, наступление которого он постарается всячески ускорить.

Единственное, чем я урезонил его, так это напомним, что необходимо подготовить посольство и изготовить новую королевскую печать, без которой и грамота не грамота, а так, не пойми что.

Зато что касается армии, то я приступлю к ее обучению немедленно, равно как и к изготовлению гранат. Правда, особых результатов до конца зимы ждать нельзя, так как процесс овладения ратным мастерством достаточно долог. Да и Пушкарский двор надо еще выстроить, не говоря уж о том, что уйма времени уйдет на эксперименты, без которых никак, и лишь после того, как удастся добиться создания образца, отвечающего всем требованиям, можно будет пускать отливку гранат и ядер на поток.

Уф-ф! Однако и темпы у принца. Во как разобрало! Мне

¹ Глубокая печаль — то же, что и глубокий траур. В случае смерти родителей его продолжительность составляла полгода.

же оставалось только искренне посочувствовать человеку, поскольку я прекрасно понимал, что, при всем старании, ему ничегошеньки не светит. Особенно жаль стало принца в последнее утро, когда настала пора прощаться и он выглядел таким грустным, что невольно захотелось сказать ему что-то теплое и доброе.

— Сияет незапятнанной красотой, — с тоской в голосе негромко произнес он по-латыни, глядя на поднимающуюся по сходням в струг Ксению, и на глазах у него выступили слезы.

Он отвернулся, неловко вытер их рукавом кафтана, после чего снова повернулся ко мне и торжественно вручил небольшую красивую шкатулку, заметив, что самолично пересыпал стружками обе гранаты — оказывается, их у него было две штуки, а не одна, — а потому я могу быть спокоен за порох, который не должен отсыреть.

Там же, на дне, как он указал, находятся и листы с чертежами и рецептами состава горючего зелья для пропитки бечевки, дабы веревочки превратились в бикфордовы шнуры.

Густав еще раз заверил меня, что непременно воспользуется моим любезным приглашением и приедет, причем привезет кое-что интересное для развлечения принцессы Ксеньи Борисовны.

«Ха! Любезным приглашением», — усмехнулся я мысленно. Попробуй тут не пригласить, когда на тебя смотрят так, словно от этого зависит вся жизнь, не говоря уж о счастье. К тому же этого требовала и обычная вежливость.

Правда, вначале пожелание не забывать нас и приглашение навеститься в гости прозвучало минувшим вечером из уст Ксении, и Густав возрадовался как мальчишка. Невзирая на свой солидный титул шведского королевича, тридцать семь календарных лет и все пятьдесят, что у него были написаны на лице, он чуть не подскочил на своем стуле от ликования.

Короче, нам обоим стало ясно, что если не на следующую неделю, так через одну, от силы через две, но Густав непременно появится в Костроме, и я уточнил сроки, постаравшись их оттянуть. Мол, ни к чему затягивать со своим визитом, а прикатить сразу по первопутку, то бишь по первому снегу. Принц страдальчески скривился, но я был неумолим, поэтому Густаву осталось только заявить, что он будет считать дни до приезда и с нетерпением ждать встречи.

Я молча кивнул, обнял королевича и опрометью бросился к сходням.

Впереди была Кострома...

Глава 4

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ВВОДНЫЕ

Городишко оказался так себе.

Может, когда-то он и был достаточно крут, раз здесь имелись даже свои князья, но время неумолимо — деревянные стены изрядно обветшали, одна из башен уныло скособочилась — вот-вот рухнет, ров наполовину осыпался, да и воды там было воробью по колено. Правда, несло оттуда так, что вздумавшему его форсировать и впрямь не поздоровится. Не иначе как костромичи решили бороться с врагами исключительно с помощью химического оружия.

Впрочем, что там говорить, когда я поначалу чуть не перепутал сам город с... Ипатьевским монастырем, благо что его башни мы увидели чуть раньше городских. Золоченые купола пятиглавого Троицкого собора, горделиво возвышающиеся над рекой Костромой, так и манили заглянуть именно туда. Да и стены там не в пример городским — крепкие, прочные, из камня. Заметно, что проживающие в нем монахи вкупе с игуменом хоть и молятся, обратив лица к небу, но и про грешную землю тоже не забывают.

Хорошо, что впереди плыл струг с теми, кто уже побывал в городе, так что к монастырю они не повернули, продолжая держать курс к груде бревен, по недоразумению названных кем-то крепостными стенами, а у меня хватило ума не вмешиваться.

Зато торжественная встреча была на высшем уровне. Можно сказать, в точности как в Москве несколько месяцев назад, только на сей раз приветствовали не Дмитрия, а... прибывшую царевну. Нет-нет, я понимаю, что Федор приказал все организовать для нас двоих, но встречающие зеваки — а таких собралось изрядно, причем сбежались не только со всех городских посадов и примыкающих к городу слобод, но и из ближайших деревень, — в первую очередь чествовали сестру престололюбостителя красавицу Ксению Борисовну Годунову.

Не зря я двумя днями ранее отправил один из стругов вперед, чтобы предупредить престололюбостителя о нашем приезде. Будь я один — разумеется, и не подумал бы этого делать. В конце концов, даже если на пристани и не найдется коня, то я не гордый — могу и пешком, благо что до центра, то бишь до выстроенного Годуновым терема, от силы километр. Так даже веселее, опять же сюрприз. Но где я возьму

возок для Ксении, которой ни на коне, ни пешком нельзя — статус не позволяет. Мне он, правда, тоже не позволяет, но мне многое простительно, иноземец, а царевна — совсем другое дело, тут и впрямь нельзя.

Само собой, были и священники, которых возглавлял не кто-нибудь, а митрополит Гермоген. «И чего он до сих пор торчит в Костроме, вместо того чтобы давно вернуться в свою епархию, которая в Казани?» — мимоходом подумал я, увидев его во главе внушительной процессии, а затем мне стало не до размышлений.

Федор, по своему обыкновению, не смог удержаться, обнимая сестру, и пустил слезу. Глаза Ксении тоже были на мокром месте, но оно и понятно — порой слезы счастья тяжелее сдержать, чем горестные.

Молебен по случаю прибытия учинили, едва отойдя от пристани. Или это была просто благодарственная молитва? Словом, все что-то пели, Федор с Ксенией участвовали, то и дело весело переглядываясь, а я... открывал рот, чтобы не отставать и не выделяться.

Царевну, разумеется, костромские боярыни сразу провели и усадили в возок, бесцеремонно оттеснив Резвану с Акулькой. Хотели было точно так же отодвинуть Любаву и Марию Петровну, но первая не далась, а моя ключница так зыркнула на одну из нахалок, что та, опешив, попятилась, чуть не свалившись со сходен прямо в воду, после чего ни бывшую послушницу, ни Петровну никто не трогал, то ли решив, что промахнулись и на самом деле обе они не из простых, то ли побоявшись связываться.

Ну а далее был неторопливый путь до хором царевича. Ехали медленно, поскольку надлежало соблюдать степенность, а вдобавок народ так заполонил улицы, которые были куда уже, чем московские, что не разгонишься при всем желании.

Людей хватало. И хотя Кострома — городишко не из великих, как я потом узнал, от силы тысяч десять — пятнадцать, не больше, но сами представьте: если всех их выставить по обеим сторонам дороги длиной всего в километр, то выйдет достаточно густо. Что именно орали, разобрать было трудно, да я поначалу особо и не вникал, полагая, что все выкрики адресованы Ксении, но, прислушавшись, уловил, что часть из них адресованы именно мне.

Оказывается, слухи о божьем суде успели долететь и сюда. Впрочем, если вдуматься, то ничего удивительного — летом сообщение между Москвой и всеми волжскими города-

ми благодаря курсирующим туда-сюда купцам регулярное и достаточно быстрое. Плюс рассказы моих гвардейцев из тех, которых я отправил в Кострому еще перед путешествием в Ольховку...

Единственный негативный нюанс — это окружающее нашу процессию убожество. Мы ехали по маленькой кривой улочке одного из посадов, ведущей к воротам, и я с тоской взирал на город, в котором нам с Федором и Ксенией предстоит провести ближайшие несколько месяцев, а то и лет — неизвестно, как все обернется.

Странно, но раньше я не обращал особого внимания на захудалые домишки той же Твери или, скажем, Коломны, зато сейчас с грустью констатировал, что кое в чем Кострома уступит даже неказистому Серпухову или крохотному Путивлю. Размеры-то одинаковые, но у тех хоть стены каменные и башни посolidнее — сразу чувствовалось, что въезжаешь в крепость, а тут...

Например, городские ворота, через которые мы въехали, по своим размерам очень походили на те, что имелись в моем тереме, расположенном в Московском Кремле. Кстати, как я потом узнал, они даже не имели названия.

Пожалуй, только одно несколько сближало Кострому с Москвой. Это был веселый колокольный перезвон. Судя по нему, можно было с уверенностью констатировать, что церквей здесь в достатке, а может, и в избытке. Зато в остальном...

Спасибо молебну или чему-то похожему на него. Пока крестился и кланялся, частично удалось справиться с минорными мыслями, а после обязательной с дороги баньки я и вовсе переключился на мажор — все так хорошо, прекрасная маркиза, что лучше и быть не может. Дело в том, что, пока меня охаживали вениками, я наконец понял, отчего так негативно воспринял Кострому. Я ж все время называл ее столицей владений Годунова, а раз столица, то должна в какой-то мере соответствовать масштабам и размахам Москвы. Поэтому и впал в уныние, увидев, как все обстоит на самом деле. То есть получалось, все дело не в ее габаритах, а в резком несоответствии картины в моем воображении и реальности.

Словом, к совместной трапезе с царевичем, хотя более правильно назвать ее пиршеством — уж больно велик был стол, за который мы уселись вдесятером, — я уже вышел совсем иной, куда более веселый, бодрый и жизнерадостный.

Троих участников называть ни к чему — и без того понятно, а остальные, если не считать пузатого и самодовольного

воеводу, были из духовенства. Казанский митрополит Гермоген, как самый титулованный, уселся по правую руку от царевича. С ним рядышком воевода. По другую расположился я, а возле меня разместился отец Феодосий, архимандрит Ипатьевской обители.

Напротив нас, по обе стороны от Ксении, уселись еще четверо настоятелей местных монастырей. Рядом с царевной посадили мать Пистимею и мать Анну — игумений Анастасиинской и Крестовоздвиженской обителей, а далее восседали отцы Феофан и Савва — игумены Спасо-Запрудненского и Богоявленского монастырей. Оставалось только удивляться, отчего набожный Федор позабыл пригласить священников, а то можно было бы заодно провести первое заседание Костромского Освященного собора.

Почему Гермоген до сих пор не в Казани, выяснилось довольно-таки быстро. Оказывается, владыка хотя и был на седьмом десятке, но, оставаясь неугомонным и шустрым в делах, успел к этому времени не только торжественно усадить Федора в Костроме и съездить в Вятку, но и вернуться, причем не далее как пару дней назад, и даже по приезде кое-что выжать из престололюбителя. Как он это сам назвал, «скудная мзда на благолепие православной церкви, коя ныне аки двор убогой вдовицы близ терема богатого боярина».

Не выдержав, я поинтересовался, каковы размеры скудной мзды, и чуть не ахнул — тысячу рублей выделил Годунов. Правда, теперь будет основан замечательный монастырь где-то близ Хлынова... это еще что за город? Почему не знаю? Ах вон что. Оказывается, так официально именуют Вятку. Понятно. Жаль только, что по-настоящему нужным делом от этого строительства — прямой убыток. Однако говорить Федору ничего не стал — ни к чему омрачать радость встречи всякими мелочными придирками, хотя если разобраться, то не столь они и мелочны.

По счастью, Гермоген больше ничего не выклянчил — наверное, просто не успел, а может, решил не торопиться, действуя последовательно и неспешно, благо что от меня он не ожидал ни малейшей опасности своим далеко идущим планам, иначе не стал бы говорить за столом о необходимости денежной поддержки церкви.

Да и какая может исходить опасность пусть от иноземца, но уже окрещенного в православную веру и, мало этого, успевшего сразиться на божьем суде за всю Русь с целью изгнать поляков из Москвы — оказывается, именно это я по-

ставил непременно условием, которое они были обязаны выполнить в случае моей победы. Послушав его, я даже пожалел, что не очень внимательно прислушивался к выкрикам в мой адрес — теперь хотя бы знал, какие еще слухи бродят по городу о моей кипучей деятельности в столице.

Поначалу все было как и в обычном русском застолье образца начала двадцать первого века, даже тосты практически не отличались: за встречу, за здравие и так далее. Затем разговор постепенно стал приобретать уклон в сторону церковных дел, что, впрочем, тоже понятно — русские люди имеют обыкновение, накатив рюмку-другую, поговорить о работе.

Вел все разговоры митрополит — остальные только подкакивали. Оно и понятно, ибо куда там дергаться или тем паче возражать «патриаршему гласу и воле», как он себя важно величал. Правда, поручение патриарха Игнатия торжественно усадить Федора в Костроме было давно выполнено, так что, на мой взгляд, с выполнением миссии автоматически самоликвидировался и пышный титул Гермогена, но владыка о том даже не помышлял, почему-то продолжая считать себя представляющим главу русской церкви.

Речь митрополит завел об оскудении веры — старая пластинка — и о том, что край, получивший столь щедрого и благочестивого радетеля за веру, наконец-то воспрянет. Архимандрит и игумены в такт ему весьма энергично кивали своими большими окладистыми бородами, одобряя слова митрополита. Игуменьи не кивали, помалкивая и млея от близости самой настоящей царевны. Причем наиболее сообразительной матери Пистимее из Анастасиинской обители уже пришла мысль заполучить ее к себе на постоянное местожительство. Пару раз она как бы между прочим даже успела тихонечко поинтересоваться, не подумывает ли Ксения Борисовна посвятить себя богу. Дескать, сейчас-то как раз самое время, потому что молитва Христовой невесты во спасение души опочившего батюшки куда доходчивее, нежели у простой мирянки.

Глаза у Ксюши моментально округлились от испуга, но затем она справилась и вежливо уклонилась от ответа, скромно заметив, что ныне вся в воле брата, поэтому как он поведет, так и будет.

Игуменья, поняв, что тут еще работать и работать, да и то неизвестно, будет ли толк, мигом переключилась, заметив, что, с другой стороны, можно и не постригаясь усилить воздействие своих молитв за упокой, поручив их...

«И с кем я сижу, — вздохнул я. — Сплошные вымогатели и вымогательницы. Ужас какой-то».

А митрополит продолжал гнуть свою линию. Мол, не дело, когда совсем рядом с той же Вяткой в многочисленных глухих деревнях зырян¹ и прочих местных народцев до сих пор молятся невесть каким идолищам, смущая русский люд.

«Интересно, — мелькнула у меня мысль, — а вот если бы вопрос перевернуть и поставить прямо противоположно: а православные, которые молятся по церквям, не смущают местный народец? И что бы тогда он мне ответил?»

Впрочем, ясно что — уж больно строг и суров Гермоген к иноверцам. И впрямь верно высказывание, гласящее, что всякий новообращенный еретик норовит быть святее папы римского. Нет, владыка еретиком никогда не был, однако бурное прошлое — юность и зрелые годы, проведенные в казачьих станах², — все-таки наложило на его нынешнюю деятельность определенный отпечаток. Ему и сейчас, хотя он два с половиной десятка лет, если не больше, в рясе, только дай сабельку, так уж он всяких там язычников в капусту нашинковал бы.

Да и советы его для Годунова тоже припахивают... Вон он как старательно ставит в пример свою Казанскую епархию. Мол, его новообращенные тоже были нестойки в вере, так он добился от царя Федора Иоанновича указа о сборе всех таких новообращенных в православную веру в отдельную слободу и поставил над ними начальником надежного боярского сына, который следил, чтобы они строго соблюдали все православные обряды. Ну а с непокорными разговор короткий — таковых сажали в тюрьму, держали в цепях и били кнутом.

И очень уж ему хочется, чтобы царевич последовал его примеру. Да уж. Думается, дали бы владыке полную волю — Русь бы вскоре и до костров докатилась. Жаль только — не дают, да и ратников у него кот наплакал, вот и остается просить их у Годунова, что он и сделал прямо за столом. Дескать, надобны ему оружные людишки, чтоб не приключилось худа с теми попами и мнихами, коих Гермоген собирается послать посечь и пожечь бесовский соблазн в виде деревянных идолищ и язычных кумирен.

¹ Зыряне — так ранее именовали на Руси коми и коми-пермяков.

² Гермоген сменил казачью саблю на рясу, когда ему было не меньше пятидесяти лет.